

18+

ОЛЬГА АНАНЬЕВА

НЕ ОБЫКНОВЕННАЯ
ИСТОРИЯ

Ольга Ананьева

неОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ананьева О. Е.

неОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ / О. Е. Ананьева — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

61 страница печатного текста и два года активных перелётов - ровно столько места заняла любовь в моей жизни. Это было неОБЫЧНО, друзья! Автобиографическая основа романа - реальные события, которые прожиты и пережиты мной. Книга будет интересна всем, кто влюблён в приключения, Египет и большую воду, а также, тем, кто прекрасно плавает, но не смотря на это хотя бы раз по неосторожности "тонул" в человеке.

© Ананьева О. Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть I	5
Глава 1. Капитан	5
Глава 2. Наама Бей	12
Глава 3. На расстоянии поцелуя	14
Глава 4. С апрелем навзрыд	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Ананьева

неОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Часть I

Всё сначала

Глава 1. Капитан

Акула

You weren't perfect

Not even close.

I just loved you so much

That it didn't even matter.

And else...

You made me badly, but, to mine mind i liked it

Ты не был даже близок к совершенству.

Я просто любила тебя настолько сильно,

Что это даже не имело значения.

И ещё...

Ты испортил меня, но мне это, кажется, понравилось.

Написание этого произведения стало возможным бесспорно благодаря моему вдохновению морем, а также моим отношениям с человеком, которого я любила. Герой моего короткометражного романа в июне 2018 года рискует стать всемирным героем, установив новый мировой рекорд по времени пребывания под водой в 150 часов. Пожелаю ему удачи!

Всё начинается со взгляда. Всегда.

С. Есенин

*Встречаешь сотни людей, и никто из них тебя не трогает, а потом кто-то один меняет всю твою жизнь. Навсегда.
Джейми Рейди «Любовь и другие лекарства»*

*«Море волнуется «Раз»,
море волнуется «Два»,
я замираю на «Три»
где-то у моря внутри»*

-U-

А началось всё ноябрьским тёплым утром 2014 года, когда из динамиков бара по пляжу Эль Фанара, уже вовсю в унисон морю разливались музыкальные композиции так ненавязчиво и органично, сливаясь с мелодией ветра и плеском морской волны.

Душа моя, пьянея от густого солёного воздуха побережья, была как никогда прежде распахнута и безмятежна, ничего не подозревая о скорых грядущих в жизни переменах.

Дело в том, что в этот свой приезд приходила я пляж третий раз кряду не случайно – моё упорство не оставляло надежд и попыток научить моё же, скованное страхом глубины тело, плавать свободно, не обременяясь надувными жилетами, нарукавниками, плавательными подушками и прочей «спасательной» лабудой, «благодаря» которой я никак не могла разрешить себе поверить в собственное бессмертие и в природную, данную всем без исключения людям, способность держаться на воде.

Нужно сказать в защиту моей судьбе, что пару раз за эти дни она подкидывала мне неплохие возможности побороться со страхом и, конечно же, вдогонку не один шанс этот страх победить; вокруг меня кишело с дюжину неравнодушных к моим нарукавникам дайверов и один из них, самый, видимо, смелый предлагал не далече, как накануне свою помощь, клятвенно заверяя научить «best swimming». И я любезно отвечала чаяниям моего тьютора ровно до того момента, пока его пальцы под водой не вплелись в мои, как мне показалось, слишком уж откровенно. Я расстроилась... искренне... надолго... ровно на двадцать часов. Но сегодня ноябрьским тёплым утром 2014 года я вновь вернулась на El Fanag полная решимости дать шанс моему тьютору и автоматически шанс себе.

Однако, была небольшая загвоздка – я не знала ни имени, ни фамилии моего «благодетеля» и, что самое печальное – абсолютно не помнила его внешне. Для меня он остался в памяти безликим дайвером в сером гидрокостюме... или нет,... в чёрном... вроде как в чёрном, вроде как с капюшоном или... без капюшона... Словом, единственным признаком отличия от прочих были глаза, точнее, это единственное, что я разглядела под ворохом снаряги. Но и тут, без особого восторга на опознание... такие, знаете ли, обычные, тёмно-карие арабские очи, каких на пляже, как оказалось, было не сосчитать!

Смотреть в глаза арабу более трёх секунд – нарваться на занудные попытки познакомиться и испорченное навязчивым ухаживанием и откровенным хамством настроение! На целый день! Однозначно! Но моя близорукость не позволяла распознать знакомые черты лица за пару мгновений.

Посему я на свой страх и риск разглядывала снующих мимо меня дайвмэнов долго и тщательно. Гордо задержав взгляд на очередном арабе, расположившемся на лежаке напротив, и не увидев должной ответной реакции, типа: «О, привет, как дела, а я тут тебя пол дня ищу по пляжу бегаю, хочу плавать научить!» я решила оставить свои тщетные попытки поиска. Хотя... реакция всё-таки была, причём взаимная – улыбка на улыбку, у него, видимо, от удовольствия, а у меня от разочарования.

В печали и раздражении я, надув злосчастные оранжевые подушки, прошоркала по пирсу к кромке воды... стыд за собственную нерешительность не давал мне покоя, но страх снова оказался сильнее. Что действительно терзало меня, так это данное Наиле обещание торжественно похоронить нарукавники, провозгласив сегодня за предстоящим ужином, победу над самой собой. Стоя у лестницы в ожидании своей очереди на заплыв, я увидела, как уже знакомый «улыбчивый» мэн что-то говорит, жестикулируя руками и судя по всему адресует свою эмоциональную тираду мне. Я включилась в процесс жизни на пирсе и услышала, договариваемое им: «Так это твоё?» – он смеялся, бесцеремонно тыча пальцем в мои оранжевые нарукавники – «ты хочешь надеть это? Реально?» – хохот становился ещё более искренним и громким. При этом неожиданно резво он попытался выхватить у меня нарукавники. «Эй, парень, полегче! Я плавать не умею, если что!» «Проблемы? Иди работай!» – к слову сказать, я всегда была

немного резка к людям откровенно бестактным. Именно таким представлялся мне сейчас этот гогочащий араб, на которого я злилась и которого уже почти ненавидела.

«Извините, пожалуйста! Я реально хочу вам помочь!» – «Ого! Теперь даже на «вы» – интересно ты от природы такой вежливый или просто так легче заучилось!» – моя злость набирала обороты и я не смогла уже больше сдерживать рвущийся на свободу сарказм.

Подойдя поближе, и, казалось, ничуть не обидевшись, араб протянул дружелюбно руку для приветствия: «Саддам. Но не Хуссейн» – наверное, это была его бородатая шутка, которая казалась ему смешной. «Спасибо за пояснение, сама бы ни за что не догадалась» – я пожалала большущую загорелую лапу, увенчанную на запястье многочисленными разноцветными браслетами и зачем-то попыталась их сосчитать в уме «Кажется десять...» и запомнить «как негрятят...», это, наверное, для того, чтобы при случае вновь не пришлось выискивать очередного тьютера на пляже, заглядывая каждому в глаза.

«Я реально хочу вам помочь!» – воодушевлённо повторил араб – «я могу, я – дайвер!» Ахах, этот самоуверенный ихтиандр Красного моря даже не представлял масштабы моего страха.

Видимо, колебание в моей позе было очевидным, потому как, сделав ещё шаг мне навстречу, араб выхватил-таки у меня из рук оранжевый балласт и прокричал: «Соглашайся!» «Ох, нет, знаешь, мне нечем платить тебе за услуги. They say “No money, no honey” «Ты не поняла, мне не нужны деньги – я просто хочу помочь, правда, поверь!» Никогда я ещё не слышала от араба столько клятвенных слов в одном флаконе. Мой стереотип был в ударе; араб... хочет... помочь... бесплатно! Как же подозрителен был этот акт благотворительности...

Из-за моих препирательств очередь у мостика замерла, и начала преобразовываться в пробку... люди ворчали. «После моих погружений, через полчаса я найду тебя на пляже, окау?»

... Я шла назад к лежаку и думала о том, что меня совсем не устраивает перспектива через полчаса барахтаться в воде с незнакомым арабом, одержимым идеей фикс «научить меня плавать» к тому же что-то внутри подсказывало мне, что попытается он претворить свою идею в жизнь любой ценой.

ПОЛЧАСА. Я проснулась, как по звонку будильника под гомон компании итальянок, разместившейся на соседних шезлонгах. К слову сказать, на Эль Фанар засыпала не только я, нас, спящих, было очень много. Не знаю почему, но засыпалось здесь всегда без особого труда, и, даже, стела памяти погибшим французским туристам, расположенная в ста метрах от пляжа, абсолютно не нарушала «мертвецки» крепкого сна живых. Окинув сонным взглядом пляж, я лениво проследила за каким-то мужчиной, идущим по пирсу в ярких ластах кислотно-зелёного цвета. Он шёл, смешно переваливаясь с боку на бок, подобно пингвину, чем крайне забавлял меня. Подойдя к спуску в море, он пристроился к очереди на заплыв... Что-то было тревожным в этой картине мира, что-то вырывало из состояния тантрического блаженства. Я нервно зевнула и реальность осознанием предстоящего зачётного заплыва «рухнула» мне на голову. Подскочив, я судорожно начала собирать пляжные вещи. Шестое чувство подсказывало мне, что нужно незамедлительно сваливать с пляжа, пока не поздно.

«Ты готова?» – услышала я над ухом и от неожиданности выронила рюкзак. «Ну давай же, не бойся!» Неужели мой страх настолько очевиден? «Нет-нет, я очень занята, давай как-нибудь в другой раз» – бормоча всё это себе под нос я старалась не смотреть в откровенно изумлённое лицо, которое словно говорило мне: «Айяйяй, такая большая... большая трусиха». К собственным мыслям и раздражению араба добавлялись слова Нели. Это было похоже на вселенский заговор против меня. Наконец, совладав с паникой, я повернулась к дайверу: «Ты правда не дашь мне утонуть?»

Я увидела, что он вот-вот расхохочется и явным усилием сдерживает себя. «Дорогая, зачем мне это, скажите?» Но наткнувшись на мой затравленно-испуганный взгляд, вдруг добавил с преувеличенной долей серьёзности: «Клянусь!»

Уже стоя на пирсе к спуску на воду, я всё силилась зачем-то разглядеть в воде мужчину в зелёных ластах, словно он был для меня чем-то очень важным.

Саддам, так вы помните звали моего нового учителя, потребовал чтобы я надела маску, заботливо и сосредоточенно затянул потуже регулирующие резиновый обод клапаны, после чего провёл краткий инструктаж невербального общения под водой. Чем больше он напутствовал меня, тем больше я понимала, что отступного пути у меня нет, и даже если случись мне здесь и сейчас упасть в обморок, мой учитель всё равно скинет моё бездыханное тельце в синюю морскую гладь.

Я села на приступок пирса, затопленный на половину водой, и замерла. Саддам незамедлительно протянул мне руку, которую судорожно сжали мои побелевшие от напряжения пальцы. Меня знобило от страха и на какое-то мгновение я вспомнила отца, его любовь к плаванью и мысленно попросила о помощи... Ладонь, которую я сжимала была по ощущениям большой и мягкой, похожей на один из моих брошенных на пляже нарукавников, и я вдруг почувствовала безграничное спокойствие, а бирюзовая бездна, распахнувшаяся подо мной, тридцатиметровой глубиной, стала похожа на прозрачную лужу метра в два. Я сделала толчок брасом и поплыла; моё тело лёгкое как пушинка скользило по солёной морской глади вперёд и вперёд, словно освободившаяся от рыбачьих пут рыба улепётывала поглубже в море, подальше от людей. Краем глаза я отметила, что Саддам отчаянно жестикулирует под водой, призывая подняться меня наверх. Я приподняла голову, отследив попутно, что мы отплыли достаточно далеко от пирса и, что в море, кроме нас в данный момент никого нет. «Я сейчас вернусь, honey» – прокричал мой попутчик, сплёвывая воду – «подожди меня здесь».

«Что-что???!» – его слова мне показались какой-то злой и тупой шуткой.

«Я сказал, что сейчас вернусь; не бойся»

«А что будет со мной? Нет-нет-неееееттт!» – крича, я попыталась схватить руку Саддама.

«Считай до трёх и я вернусь. Только до трёх» – он ловко увернувшись, отплыл в сторону.

Я почувствовала, что тело моё превращается в камень, который через пару мгновений пойдёт ко дну. Ужас настолько сковал мои движения, что единственно возможным для меня оказалось развести руки-ноги в стороны и, лёжа «звездой», ожидая неминуемой смерти утопленника, наблюдать за тем, как бездна приближается ко мне.

Мысль замерла на воспоминании о том, что в народе говорят «глаза – зеркало души» и в тот ужасающей по силе своей для меня миг я поняла, что мне удалось заглянуть в глубокие, бездонные, пронзительно синие глаза Красного моря. Подобное я не испытывала никогда раньше, наверное, такие сильные ощущения даёт адреналин и случаются эти ощущения в минуты, о которых говорят «на грани фола», «по лезвию ножа», минуты откровенной опасности и глубоких откровений. К моему состоянию паники добавилось состояние шока от зримой и осязаемой бездонной мощи подводного мира, которая открылась моему взору... Широко распахнув глаза, я смотрела в Бездну, а Бездна «смотрела» в меня.

«Что этот злодей говорил? Кажется, я должна считать до трёх? А зачем? Может после этого моё сознание просто выключится само?» – пока я размышляла о своей скорой кончине, мой попутчик, совершил кульбит в воде и штопором ушёл вглубь метров на пять «Раз» – отозвалось где-то внутри меня, там он сделал ещё один кувырок «Два», после чего в позе супермэна рванул к поверхности воды и оказался рядом «Три». «Раз. Два. Три» – «Я ЖИВА» – эта простая считалочка заставила меня вернуться в реальность и сделать победный толчок вперёд моим любимым брасом. Саддам, догнав меня, взял крепко за руку. «Что это было, Кэп?!» – отплёвываясь, возбуждённо прокричала я, подняв голову. «Ничего особенного. Просто у тебя получилось». Мне захотелось разреветься. «Что? ЧТО получилось, Кэп?!» – «Полу-

чилось поверить в себя. А теперь я хочу показать тебе красоту, которую ты не могла видеть раньше. Страх мешал тебе, но теперь его нет. Поплыли со мной, honey!». После этих слов мы взяли курс на коралловый риф, расстелившийся под нами ярким цветным ковром, от красоты которого перехватывало дыхание.

Я не знаю, как долго мы плыли, минутой... десяти, вечность. Иногда я становилась совсем смелой и отпускала руку Кэпа. «Кэп»... таким именем я окрестила про себя того, кто смог сделать для меня невероятное. Кэп... человек, который показал мне, что значит верить в себя, человек, который подарил мне МОРЕ!

Ох уж этот Жюль Верн недочитанный мною в детстве! Если бы не моя одержимость любовной лирикой Голон и Бенцони, у меня были бы все шансы стать фанаткой необитаемых островов, потаённых пещер и пиратских сокровищ. Даже обыкновенная жестяная банка из-под пепси, которую я подцепила, подплывая к небольшому гроту, показалась мне чем-то необыкновенно похожей на часть клада флибустьеров.

Кэп вытянул меня из воды на берег абсолютно счастливую, но уставшую и дрожащую от холода, как российский осинный лист. Я увидела протянутые для объятия руки и меня тут же бросило в жар праведного гнева: «Вот давай только без этих попыток полапать меня, okay?!» – «Просто ты замёрзла и я хотел помочь» – «Ага, как же! И оправданий глупых искать не нужно» – я уже почти рычала, непроизвольно сжимая руки в кулаки. «Ты боишься меня, поэтому тебе холодно» – как-то грустно тут же отреагировал Саддам. Я отсела метра на полтора подальше и, сменив гнев на милость, решила «утопить» дайвера вопросами в любимой теме о море. Мы проговорили достаточно долго не только о море, но и о жизни друг друга, увлечениях, родительской семье и за разговором не заметили, как послеполуденное солнце начало странным образом припекать, а на часах день покатился к вечеру. «Ну, что, трусиха, поплыли обратно?» – мне показалось, что Саддам сказал это нарочито и с вызовом, словно проверяя мою решимость и настрой на обратный путь.

«Я и сама хотела предложить то же».

Когда мы подплыли к пирсу, солнце уже наметило свой путь за горизонт, к сансету. Мы поднялись в кафе и, заказав по чашке горячего капучино, разместились за ближайшим столиком у моря.

«Ну что, до завтра, трусиха?» – заговорчески понизив тон голоса сказал Саддам и подмигнул.

«Ну да, хотелось бы повторить, чтобы понять, что всё это было со мной не во сне» – я принялась усиленно размешивать сахар в чашке.

«Тогда, завтра в полдень я буду ждать тебя здесь снова»

«Боюсь, мы не узнаем друг друга и завтра я буду искать как сегодня, только уже тебя»

«Мы найдёмся, дорогая, не переживай; мы прочитаем нас»

«Как это – читаем?»

Видя мою полную растерянность, Саддам расхохотался: «Дай мне, пожалуйста, свою руку». Попросив у бариста шариковую ручку Кэп, принялся выводить на моём предплечье арабскую вязь. «Что ты делаешь?» – «Пишу твоё имя на арабском языке». Ещё пару минут Кэп сосредоточенно, высунув язык, разукрашивал своё творение, а потом, резко откинувшись на спинку стула, протянул мне свою здоровенную лапу: «Всё. Давай, теперь ты, напиши меня по-русски. Я буду только один такой, и ты узнаешь меня сразу, трусиха» – я уже было надумала надуть от обиды губы, но, Саддам, будто почувствовав это, добавил: «Завтра поплывёшь одна, покажешь своему капитану, что не боишься». Я написала имя во всю длину его руки, не жалея чернил и ответила таким тоном, будто принимала брошенный мне вызов: «Хорошо, я покажу тебе, что знаю море не хуже, чем ты!»

«Ты знаешь море? Не может быть!» – изобразил изумление Кэп. «Окау, скажи, простой вопрос, как ты думаешь, какого цвета море?» «Странный ты, – отвечала я, – «конечно же

синего!» Тогда Саддам попросил бариста принести стакан с водой и поставил его на синюю скатерть стола. «Ну как?» – ловя мой удивлённо-растерянный взгляд, расхохотался он после своего незатейливого эксперимента, – «синего?!». «Нет» – ответила я и задиристо выкрикнула: «Знаю, знаю – море цветное, как кораллы!» «А вот и нет, ты снова ошиблась!» – Кэп снял со своей загорелой руки ворох цветных силиконовых браслетов и бросил их в стакан с водой... «Ну?» – глаза его задорно поблёскивали. Я растерянно бормотала: «Сдаюсь... ну скажи тогда ты, какого цвета море?» После признанного мною поражения, он накрыл куском скатерти стекло, и только после этого вода в стакане приобретала синий оттенок. «Запомни, хабиби, море всегда имеет цвет неба»...

Кэп замолчал, а я вдруг поймала себя на мысли о том, что смотрю уже вовсе не на стакан с водой и вижу в этом человеке, сидящем напротив, мальчишку, в глазах которого расплескалось море... моё море. Мальчишку, который не позволил мне утонуть в воде, но парадоксальным образом почти утопил в себе. Мне не хотелось отводить взгляда и потому, не мигая, я продолжала изучать эти глаза цвета остывшего парафина, помнившегося мне с детства по кабинету физиопроцедур на работе моей матери, и понимала, что вязну всё глубже и глубже.

Кэп был не таким как все, он был особенным. Знаю, так мыслят многие повстречавшиеся вдруг с любовью, мыслят исключительностью своего выбор – таково непреложное правило, в котором я тоже не стала исключением.

«А хочешь, погуляем вечером?» – нарушил тишину Саддам.

«Почему нет?» – ответила я и, не затягивая паузу прощания, быстро встала из-за стола, – до вечера».

«Я уже начал ждать» – Саддам заговорчески подмигнул.

Глава 2. Наама Бей

*Понимаете, девочки такие дуры, просто беда. Их как начнёшь целовать и всё такое, они сразу теряют голову.
Д. Селинджер. «Над пропастью во ржи»*

Тем вечером, готовясь на прогулку по Наама Бей, я и представить себе не могла, насколько существенный вклад внесёт эта невинное полуночное randevu в love story мою и Кэпа. На тот момент я не испытывала к Саддаму ровным счётом ничего, кроме неприкрытого восхищения его фри дайвом и безразмерной благодарности за оказанную мне услугу.

Выйдя на освещённую аллею вдоль первой береговой, я почувствовала себя как на ладони под пристальным вниманием многочисленных любопытствующих глаз. На мне было подростковое платье с кошечными узорами и ярко алые босоножки, на которых я шла пошатывающейся походкой, отвыкшая за пару недель от высокой летней платформы. А Саддам... он тоже шёл... мне навстречу походкой хоббита, о Боже, он и был вылитый хоббит – Бильбо Беггинс в молодости: рост ниже среднего, кудрявая нечесаная голова и большие волосатые ноги.

Он, сразу узнав меня, подошёл так уверенно, будто мы были знакомы ни пятнадцать часов, а пятнадцать лет. «Ну что, hopey, куда ты хочешь пойти?» – параллельно с вопросом Саддам взял меня за руку. «Ох, я даже не знаю, Кэп. Я впервые отдыхаю на Наама – так что, погуляй меня где-нибудь сам»...

Знаешь, читатель, только теперь я понимаю, почему мне так полюбилась Хаддаба – это тот район, где можно гулять бесконечно. Хаддаба не в пример остальным районам Шарма расцвечена фонарями мало, но зато вся выстроена из тропинок и уютных маленьких улочек с такими же маленькими уютными кафешками в неприметных укромных уголках. Но в ту полночь я гуляла по Наама Бей, по самому центру его красивого, шумного променада, заполненного смехом туристов и дымом кальянных. Я покорно вышагивала по брусчатому полу вслед за человеком, за которым в последствие, как оказалось, мне суждено было пройти не один десяток километров. «Пройти, не поднимая глаз, пройти, оставив робкие следы» – кажется, так пела Кристина Орбакайте. Но это было лишь в будущем, ни сегодня, ни сейчас. Сейчас я лишь чувствовала неловкость момента, идя через толпу, держа за руку египетского парня, встречая такие же парочки в стиле «а-ля белоснежка и её шоколадный заяц».

Мы шли прогулочным шагом, глаза по сторонам, лишь изредка встречаясь глазами на какое-то мгновение, которого хватает обычно для того, чтобы догадаться о перспективе и характере будущих отношений. Но, как вы помните, я не отличалась хорошим зрением и потому, попадая в ловушку тёмно-карих глаз своего попутчика, не понимала причин его пристально изучающего меня взгляда. Наш променадный разговор на отвлечённые темы затянулся часа на полтора и вот мы, наконец-то, вышли на проспект. Я была ошеломлена гулом потока новеньких машин taxi, мчавшихся в жёлтом свете уличных фонарей и изрыгающих непрекращающуюся кокафонию звучащих на максимальной громкости клаксонов. Чуть позже я узнаю Шарм другим: тихим, деликатным, скрытым от посторонних глаз туриста в улочках Хадабы. Но сегодняшней вечер должен был быть громким, таким же громким, как моё ликующее эго, одержавшее победу над собственным страхом глубины.

– Послушай, Саддам, я устала, давай присядем куда-нибудь, мои ножки протестуют против каблука.

– Конечно, как ты хочешь – услышала я в ответ, и Саддам потянул меня за руку на огромный газон посреди улицы, идеально подстриженный, с густой травой, больше подходящей на ворс персидского ковра.

– О, божечки, какая благодать! – воскликнула я ровно в тот момент, как мои уставшие босые ноги коснулись зелёной лужайки.

– Не стой на траве долго, а то будет холодно и мокро – отозвался Саддам на мой комментарий и сел на край японской горки, – подойди сюда и посиди рядом.

Но сидеть мне не хотелось; я была похожа сегодня на моих маленьких гиперактивных клиентов-дошколят – неусидчивых и возбуждённых. Поэтому, подойдя вплотную к Саддаму и обнаглев окончательно, я встала своими замёрзшими ногами на его два сорок третьих по моим подсчётам размера. Это рассмешило его искренне, и он даже покачал меня немного, как это делали в детстве мои родители. И тут мне внезапно стало тревожно. Я осознала, как уже дважды за сегодняшний день отозвалось теплом моё сердце на улыбку этого темнокожего, абсолютно чужого мне человека, вот уже не первый раз за эти сутки, сидящего напротив в такой предательски опасной близости.

Глава 3. На расстоянии поцелуя

*«А он мне нравится, нравится,
Я от него без ума. Мама,
В нём сорок градусов минимум
Я на максимум выжата
От него я сегодня пьяна.
Невозможно расслабиться
Он нравится, нравится мне»*

С. Лобода

«Ты – моё море. И в этом, наверное, вся соль»

*Разреши себе быть влюблённой.
Море. Галька. И тёплый рот...
И его поцелуй солёный*

Полина Ш.

Пять дней... они пролетели как пять минут в шутишных разговорах, в вечерних прогулках, в обязательных тренировках на открытой воде над рифом Эль Фанар, красотой которого я очаровывалась всё сильнее. Бездна под ногами теперь не пугала меня так, как раньше; я влюблялась не только в него, того, кто подарил мне красоту моря, но и в самую бесконечность глубины, красотами распластавшуюся подо мной.

Изменяя своей привычке грустить загодя, я старалась не думать о стремительно сокращающемся количестве дней отпуска. Но неминуемо день моего возвращения в Россию наступил, и от каждого мало-мальского события тем днём пахло тоскливой банальностью прощания.

Помню тогда море штормило, а вода была, как ни странно, холодной не по-апрельски и серой, словно мои слёзы, скопившиеся внутри. Взявшись за руки, мы с Саддамом плыли куда-то прямо по направлению к «Садыки» и, казалось, капитан не собирался менять направления. Оставалось около получаса до расставания, и я понимала, что они запомнятся мне такими, какими я их проживу и ещё, что от этих прощальных минут будет зависеть то, запомнюсь ли я человеку, плывущему рядом, чья рука крепко сжимала мою руку. А хотелось ли мне запомниться?... Да!да!да! безумно хотелось!

Метрах в трёхстах от берега я почувствовала острый приступ тоски – это было ужасно. В следующее мгновение я сделала то, чего никак не могла от себя ожидать – резко развернувшись к своему визави, я сдёрнула с его лица маску и поцеловала. Захлебнувшись поцелуем, мы ушли на какое-то мгновение под воду, и там, через запотевший пластик маски, я увидела в глазах капитана желание аналогичное моему. Кэп крепче сжал мою руку, и мы взяли курс на дикий пляж. Когда мы добрались до берега, казалось, что вода вокруг кипела, подогреваемая нашими эмоциями и желанием. Я плохо помню подробности того, что было дальше. Помню только, как Саддам резко схватил меня за волосы, запрокидывая мне голову назад для поцелуя и ещё помню его взгляд – застывший зрачок, в котором я видела своё отражение, видела себя такую счастливую и бесстыжую... его глаза... секунда-две, а потом я улетела... хотя нет, по ощущениям я, скорее, провалилась сквозь толщу воды и песка в бездну чувств. Провалилась глубоко и надолго, на целых два года.

В какое-то мгновение волна окатила нас с головой, и это вернуло меня в реальность момента. Нужно сказать, что к тому времени из купальных принадлежностей на мне оставалась только синяя полоска плавок.

«Саддам, остановись!» – я буквально отодрала себя от человека, хотя мне меньше всего этого хотелось.

«Что-то не так?» – голос Кэпа был сильным и немного вибрировал. Я понимала, что ломаю самым безжалостным образом последние минуты перед нашим расставанием, лишая себя радости в преддверии разлуки и долгой колючей зимы. Возможно, я буду потом очень жалеть об этом, но...

«Что? Секса не будет?» – в раздражении бросил Саддам.

«Нет, извини. Я не могу так»

«Как? Мы взрослые люди. Что здесь плохого? Я хочу тебя, и ты хочешь меня – почему нет?»

«Может быть потому, что я дура» – проговорив это, я чувствовала, как комок не проглоченных утренних слёз подступил к горлу.

«Поплыли назад» – Саддам надел ласты, – «больше нам нечего здесь делать».

Я вдруг на мгновение увидела рядом с собой среднестатистического капризного неудовлетворённого мужчину. Разгляди я тогда потщательнее, может и душевных терзаний было бы поменьше, но всё тоже чувство надвигающейся тоски лишало меня всякой объективности. Доплыв до пирса в абсолютном молчании, мы выбрались на берег чужими людьми, и, бросив друг другу небрежное «пока-пока», разошлись в разные стороны с таким видом, будто и вовсе не были знакомы.

Это потом, спустя пару месяцев, Саддам звонил мне уже из России и говорил о том, что премного благодарен за предоставленный шанс остаться рядом со мной хорошим, о том, что мой отказ, убивший его мужское самолюбие, по сути, спас его человеческое достоинство. И что именно потому мои имя и образ запомнились ему в беспросветном калейдоскопе женских лиц и тел. И уже где-то к концу февраля мы снова вошли в режим «ожидание встречи». Садам ждал меня, а ещё меня ждал апрель, в котором мне предстояло сделать неизбежный выбор между «любить» и «быть любимой».

Глава 4. С апрелем навзрыд

Причин для радости не было, но мне внезапно стало хорошо. Такое чувство приходит в двух случаях: если у тебя истерика, либо, если ты влюблён. Честно говоря, мне было проще надеяться, на то, что это была истерика

Ребекка Вермонт, «Черновик моей жизни»

«Они писали друг другу об очень интимных вещах, но одно дело писать и совсем другое – встретиться лицом к лицу, помня о том, что было написано»

*Подари мне цветное стёклышко,
Обязательно стёртое морем
по краям.
Таким ласковым морем,
зацелованное,
подари.*

*Оно ляжет на самое доньшико,
оплётённого тиной горя.
И под утро,
шумя прибором,
расплескается цвет внутри.*

– U

Наверное, в жизни каждого человека бывают такие моменты, о которых хочется забыть навсегда, потому как воспоминания о них причиняют нестерпимую боль, намного превышающую порог личной эмоциональной толерантности. На мои текущие 34 года подобных моментов выпало целых два, благо, что с разницей в половину по годам ровно, что и позволило, скорее всего, мне их пережить... жаль только одного к подобному не было – иммунитета.

Той весной в моей жизни наступил долгожданный апрель 2015, апрель, в который рвалось всё моё существо, апрель, который, как выяснилось позже, ждал меня целых семнадцать лет. Boeing № 737 уверенно шёл на посадку и я, до упора сдвинув вверх створки иллюминатора, прижалась разгорячённым лбом к замёрзшему стеклу.

«Слава Богу, долетели!» – радостные ноты в голосе Нели резонировали с моим настроением нынче особенно остро.

Солнце слепило глаза, отражаясь в ярко-голубом, безумно голубом небе, и моему взору открывались едва пока различимые с высоты птичьего полёта ухоженные лужайки отелей и чёрная паутина магистрали Шарм-эль-Шейха. Сердце колотилось в бешеном ритме и рвалось наружу, словно хотелось ему быстрее очутиться на земле, но технических возможностей самолёта было явно недостаточно для того, чтобы ускорить этот процесс. Шасси, наконец-то, нашупало покрытие взлётной полосы, и я непроизвольно вздрогнула от лёгкого толчка. Сколько бы я не летала, момент посадки самолёта всегда остаётся для меня моментом некоторой неожиданности; сродни процессу пробуждения; тебя будто бы вырывает из сна реальность, которую ты с нетерпением ждёшь. Бортпроводница, стоящая на выходе из салона пожелала всем приятного отдыха и я, наконец-то, сделала первые шаги по трапу. Вдохнув вечернюю жару, я почувствовала такое привычное мне здесь лёгкое головокружение, от которого моментально опьянела.

«Девушка, а можно побыстрее?» – раздалось чьё-то нервное сопрано за моей спиной.

«Да, конечно» – постаралась я быть как можно сдержанней в ответе и нехотя прибавила шаг, потому что именно сегодня, в этот момент как никогда ранее мне вдруг захотелось остановить первое мгновение встречи... такой долгожданной встречи с городом моих надежд и предстоящих, как мне казалось тогда, сказочных дней... как мне казалось...

Всю процедуру таможенного досмотра и регистрации я прошла как говорят «на автомате», будучи мыслями уже далеко за пределами аэропорта, вернувшись в реальность лишь дважды; первый раз, когда со словами «Саламу аллейкум» протянула улыбающемуся преклонных лет дядечке-арабу заполненную наспех миграционную карточку и второй раз, когда стаскивала свой здоровенный чемодан с багажной ленты...

Трансфер встретил нашу уставшую туристическую группу приятной прохладой кондиционера и доброжелательным гидом по имени Ахмед... или Мухаммед, что для меня было совсем неважно. Важным было лишь то, что я была снова здесь, в городе, в котором каждое мгновение моей жизни было наполнено безграничным счастьем... и его ничего не омрачало... пока. Я села у окна по обыкновению своему и тут же погрузилась в ритмичность сменяющих друг друга пейзажей за окном... моя душа ликовала и в каждом движении раскачивающихся от ветра крон пальм я чувствовала дыхание города... я словно пропускала его через себя... я была его частью... я ехала домой.

Спутницы мои расположились на соседних креслах. Иногда я бросала на них случайный взгляд и видела, как они сидят, прикрыв глаза, и их расслабленные головы покачиваются в унисон движению автобуса. Неля улыбалась и я знала, что эта её улыбка означала спокойную радость от подходящего к концу трансферного маршрута и от мыслей о том, что уже спустя каких-то минут пятнадцать она будет стоять на берегу любимого моря. За моих попутчиц я была рада не меньше, чем за себя; каждая из нас находилась в предвкушении близкого счастья; размышляя об этом, я тоже закрыла глаза, и чувство какого-то пробирающего до пят покоя заставило меня погрузиться в дремоту.

«Яла! Яла! (идём! Идём! – араб.)» – звонкими перекатами голос гида покатился по салону. «Выходим! Не забываем две вещи: свои вещи и вознаграждение водителю за то, что он так красиво довёз нас» – гид явно усердствовал в похвале и видимо потому вызывал ярый протест моего туристского снобизма. Я демонстративно вытащила свой чемодан и, не удостоив водителя микроавтобуса даже взгляда, двинулась через раскалённую солнцем парковочную зону в сторону отеля.

Это был Club reef. Отель с категорией звёздности 4 и пирсом, уходящим в морской горизонт. Скажу вам, что ни до этой поездки, ни после, никогда не встречала отеля, покоровшего моё сердце больше, чем этот. Каждый квадратный метр выложенной в аккуратной последовательности плитки настолько был приятен восприятию, что порой, казалось, будто жизнь моя и весь мой мир заключались в стенах этого отеля, из которого единственным выходом был выход в открытое море.

«Ну что, пошлите кушать, девочки!» – задорно прикрикнула на нас Неля, когда мы, наконец-то, бросили поклажу у подножья односпальных кроватей с белоснежными простынями. «Ещё на море надо сегодня успеть!» – продолжила она, вызвав мою невольную улыбку. Это звучало так по-детски, словно море раздавали по одной порции в руки, как яичницу на завтрак с 8.00 до 10.00. И мы гурьбой вывалились из двери, в поисках кухни, которую легко нашли уже спустя минуты две по запаху специй и жареных сладких пончиков. У дверей кухни нас, партию туристов-новичков, встречал широкой улыбкой менеджер ресторана зала, который, точно регулировщик показывал маршруты до свободных мест за столиками, наряженными в атласные скатерти, цвета морено. После торопливого обеда мы ещё часа два познакомились с достопримечательностями территории отеля и потрясающей косой кораллового рифа. Назва-

ние отеля полностью соответствовало его содержанию; под весёлый рокот набегающей волны и клубной музыки, доносившейся из динамиков бара, мы не заметили, как подкрался сансет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.